

Особенности постсоветской рождаемости на Северном Кавказе: инновации или межпоколенческая преемственность?

Константин Игоревич Казенин

(konstantin.kazenin@sociology.su.se),
Стокгольмский университет, Швеция.

Екатерина Сергеевна Митрофанова

(mitrofanovy@yandex.ru), Российская академия
народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской
Федерации, Россия.

Fertility at the post-Soviet North Caucasus: between stability and innovations

Konstantin Kazenin

(konstantin.kazenin@sociology.su.se),
Stockholm University, Sweden.

Ekaterina Mitrofanova

(mitrofanovy@yandex.ru), Russian
Academy for National Economy and Public
Administration, Russia.

Резюме: Статья посвящена особенностям рождаемости на постсоветском Северном Кавказе и их возможным причинам. На примере Дагестана и республик Северо-Западного Кавказа рассматриваются три характеристики рождаемости: более высокая по сравнению с Россией в целом доля третьих и последующих детей среди всех родившихся, более короткий интервал между первым и вторым деторождениями и наличие межэтнических различий по среднему числу рожденных детей. Исследуется вопрос, в какой мере эти характеристики постсоветской рождаемости имеют исторические корни. Для этого на основе данных микропереписи населения России 1994 г. с помощью дескриптивных методов, а также с помощью моделей пропорциональных рисков изучается рождаемость когорт женщин 1920-1970-х годов рождения, относящихся к коренным этносам данных регионов. Показано, что относительно высокая доля третьих и последующих детей, а также наличие межэтнических различий, наблюдаемых в постсоветское время, присущи и современным, и «советским» когортам. Короткий интервал между первыми и вторыми рожденьями, напротив, скорее является «инновацией» постсоветского времени, особенно в Дагестане. Обсуждаются возможные пути объяснения полученных результатов.

Ключевые слова: рождаемость, Северный Кавказ, этничность, анализ наступления событий.

Благодарности: Авторы благодарят Е.М. Андреева и Е.В. Чурилову за предоставление данных Микропереписи населения России 1994 года.

Финансирование: Исследование Е.С. Митрофановой проведено в рамках НИР государственного задания РАНХиГС. Анализ данных микропереписи 1994 г. проведен авторами в 2021 г. в рамках НИР государственного задания РАНХиГС.

Для цитирования: Казенин К.И., & Митрофанова Е.С. (2023). Особенности постсоветской рождаемости на Северном Кавказе: инновации или сохранение традиций?. Демографическое обозрение, 10(4), 121-151. <https://doi.org/10.17323/demreview.v10i4.18811>

Abstract: The paper deals with special characteristics of fertility in the post-Soviet North-Western Caucasus (Russia) and their possible causes. Using the example of Dagestan and the republics of the North-Western Caucasus, three distinctive traits of fertility are considered: a higher proportion of third and subsequent children compared to Russia as a whole; shorter intervals between first and second births; and interethnic differences in mean numbers of children accumulated by certain ages. To study the degree to which these characteristics of post-Soviet fertility correlate with characteristics of fertility in the same regions in earlier periods, we examine the fertility of women of the 1920s-1970s birth cohorts of indigenous ethnicities of the North-Western Caucasus using the 1994 Russian Microcensus. Methods of descriptive statistics and proportional risk models are used to analyze Microcensus data. It is argued that a higher proportion of third and subsequent children as well interethnic differences in fertility were observed among the indigenous population of the regions under study in Soviet times as well. However, the shorter intervals between the

first and the second births arguably are an «innovation» of the post-Soviet period. Possible explanations of these findings are discussed.

Keywords: *fertility, North-Western Caucasus, ethnicity, event history analysis.*

Acknowledgments: *The authors thank E.M. Andreeva and E.V. Churilova for providing data from the 1994 Russian Microcensus.*

Funding: *Research by E.S. Mitrofanova was carried out as part of the research work of the state assignment of RANEPА. An analysis of the 1994 microcensus data was carried out by the authors in 2021 as part of the research work of the state assignment of RANEPА.*

For citation: *Kazenin K., & Mitrofanova E. (2023). Fertility at the post-Soviet North Caucasus: between stability and innovations. Demographic Review, 10(4), 121-151. <https://doi.org/10.17323/demreview.v10i4.18811>*

Введение

Изменения брачно-репродуктивного поведения населения планеты в новое и новейшее время – это сложная смесь разнообразия и единства. С одной стороны, эти изменения в разных странах мира проходили под действием примерно одних и тех же факторов и в целом соответствовали единым сценариям, известным в демографии как первый (Notestein 1945) и второй (van den Kaa 1987) демографические переходы. С другой стороны, в разных странах, регионах, у разных этносов трансформации в данной сфере нередко имеют свои особенности, объяснить которые не всегда просто. Примером из самой недавней демографической истории могут служить значительные различия по темпам снижения рождаемости, наблюдаемые в последние десятилетия в развивающихся странах (Bongaarts 2003).

Одна из возможных, хотя и нечасто обсуждаемых причин различий в темпе и характере изменений брачности и рождаемости, – это влияние образцов демографического поведения, существовавших в социуме на предшествующих исторических этапах. Принятые у более ранних поколений практики, касающиеся формирования семьи и рождения детей, могут отчасти определять готовность их потомков к тем или иным «инновациям» брачно-репродуктивного поведения, диктуемым меняющимися социальными условиями и социокультурными нормами. Одним из примеров исследования, в котором прослежена подобная зависимость, может служить работа (Puur et al. 2012), где показано, что в последней трети XX века рост доли незарегистрированных партнерств в Восточной и Центральной Европе отличался по темпу от страны к стране и регулярно шел быстрее в тех странах, которые исторически характеризовались более старшим возрастом вступления мужчин и женщин в первый брак и более высоким процентом окончательного безбрачия. Также есть и другие примеры зависимости между динамикой брачности или рождаемости в рамках первого или второго демографических переходов и их более ранними историческими особенностями (Reher 1998; Bernhardt, Ноем 1985).

В настоящей статье делается попытка рассмотреть вопрос, в какой мере особенности рождаемости в регионах Северного Кавказа, наблюдаемые в постсоветское время, соответствуют характеристикам рождаемости, наблюдавшимся там на предшествующих исторических этапах. Рассмотрены три характерные черты современной рождаемости в северокавказских республиках:

- значительно более короткий по сравнению с Россией в целом интервал между первым и вторым рождениями (интергенетический интервал);
- большая по сравнению с Россией в целом доля третьих и последующих детей среди всех родившихся, сохраняющаяся даже на фоне значительного снижения общего уровня рождаемости;
- межэтнические различия по среднему числу детей, «накопленному» женщинами к разным возрастам ¹.

¹ Этот набор отличий рождаемости в регионах Северного Кавказа и в России в целом – заведомо неполный. Одно из ярких отличий, находящихся за рамками обсуждения в настоящей статье, – более ранний средний возраст матери при рождении первого ребенка. Эта особенность, характерная прежде всего для Дагестана, обсуждается в (Казенин, Козлов 2016).

Мы рассматриваем четыре региона: Дагестан и три республики Северо-Западного Кавказа (Кабардино-Балкарию, Карачаево-Черкесию, Северную Осетию). Сначала мы показываем с помощью данных текущего учета и последних российских переписей населения, что перечисленные особенности рождаемости наблюдались в этих республиках в 2000-2010-е годы. Затем исследуем вопрос, в какой мере эти особенности были характерны для рождаемости женщин когорт 1925-1974 годов рождения (г.р.), относящихся к коренным этносам данных регионов. Для этого использованы данные микропереписи населения 1994 г. (далее МП94)². Оказывается, что высокая доля третьих и последующих детей, а также межэтнические различия в рождаемости, наблюдаемые на Северном Кавказе в постсоветское время, были характерны и для указанных «советских» когорт. Что касается малого интергенетического интервала (между первыми и вторыми детьми) в постсоветское время, то он, напротив, скорее выглядит как демографическая «инновация», поскольку не был характерен для когорт, охваченных МП94, особенно в Дагестане. В заключительном разделе обсуждаются возможные варианты объяснения полученных результатов.

Характеристики рождаемости в республиках Северного Кавказа в постсоветский период

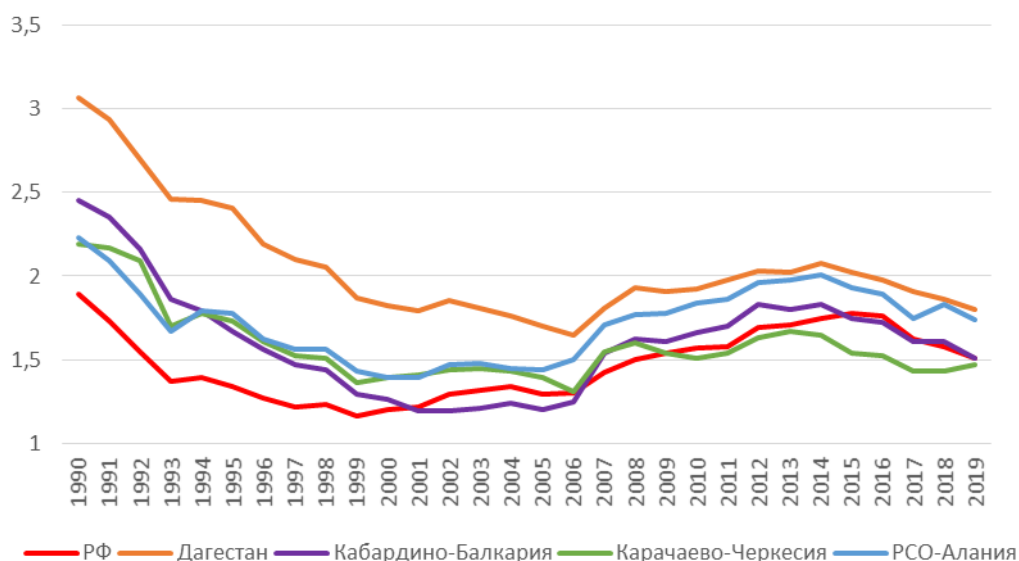
Здесь будут кратко представлены основные тренды рождаемости, наблюдавшиеся в 1990-2010-е годы в регионах Северного Кавказа, которые будут охвачены нашим исследованием: в Дагестане, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и Северной Осетии.

На рисунке 1 показана динамика коэффициента суммарной рождаемости (КСР) в этих республиках в сопоставлении с общероссийской. Если в России в целом снижение годового КСР до двух детей на одну женщину, обычно рассматриваемое как рубеж завершения первого демографического перехода, произошло в конце 1960-х (Zakharov 2008), то в Дагестане оно имело место только к 2000 г., а в республиках Северо-Западного Кавказа – в первой половине 1990-х. Уровни рождаемости на начало 1990-х показывают, что во всех рассматриваемых регионах ее снижение началось раньше, еще в советское время. Динамика КСР в этих регионах в постсоветский период в целом отражала общероссийские тренды: вслед за спадом, вызванным трудными экономическими условиями 1990-х, имел место периодный скачок рождаемости после начала выплат федерального материнского капитала в 2007 г., но с середины 2010-х тенденция к повышению КСР, как и по всей стране, была исчерпана. Уровень рождаемости в Дагестане на протяжении всех трех десятилетий был, тем не менее, заметно выше общероссийского. На Северо-Западном Кавказе абсолютные значения КСР по сравнению с Дагестаном были

² Об особенностях данного опроса населения, охватившего 5% всех жителей страны, см. (Захаров 2007; Пьянкова, Щербакова, Васин 2018); к важнейшим исследованиям брачности и рождаемости в России, выполненным на базе МП94, относятся (Barkalov 1999; Scherbov, van Vianen 2001); для изучения брачности и рождаемости на Северном Кавказе данные МП94 ранее использовались в работе (Казенин, Сороко 2021). Отметим, что выбор регионов для исследования связан в первую очередь с особенностями данных МП94. Так, Чеченская Республика исключена из анализа, поскольку МП94 на ее территории не проводилась. Исключение из рассмотрения Ингушетии связано с довольно малым объемом подвыборки женщин из этой республики в выборке МП94, который затруднял применение используемого ниже метода сопоставления пятилетних когорт.

ближе к общероссийским с заметным лидерством Северной Осетии относительно Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии по уровню рождаемости.

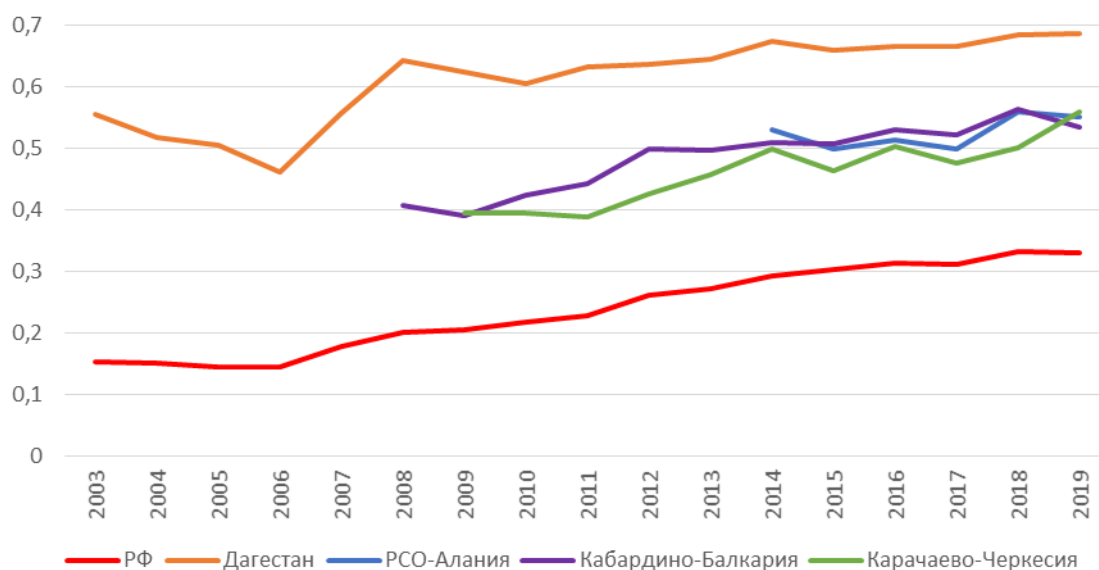
Рисунок 1. Значения коэффициента суммарной рождаемости, РФ и отдельные регионы Северного Кавказа, 1990-2019



Источник: Расчеты авторов по данным Росстата.

Однако, несмотря на значительное сходство динамики рождаемости с общероссийской, некоторые заметные региональные особенности воспроизводства населения сохранились на Северном Кавказе по крайней мере вплоть до 2010-х годов.

Рисунок 2. Значения коэффициента суммарной рождаемости по третьим и последующим детям, РФ и отдельные регионы Северного Кавказа, 2003-2019



Источник: Расчеты авторов по данным Росстата.

Во-первых, во всех рассматриваемых регионах наблюдался более высокий по сравнению со страной в целом уровень рождаемости третьих и последующих детей. На это указывают значения КСР, рассчитанного отдельно для детей этих порядков (КСР3+; рисунок 2). Существенно, что более высокие значения КСР3+ объясняются не только более высоким уровнем общей рождаемости по сравнению с общероссийским (в таком случае КСР для всех других порядков были бы пропорционально выше страновых), но и большей долей третьих и последующих детей среди всех родившихся. На это указывают вклады третьих и последующих детей в итоговой КСР, показанные в таблице 1³.

Таблица 1. Вклады третьих и последующих детей в коэффициент суммарной рождаемости, РФ и отдельные регионы Северного Кавказа, 2003-2019, %

	РФ	Дагестан	КБР	КЧР	РСО-Алания
2003	11,46	30,73			
2004	11,31	29,35			
2005	11,21	29,74			
2006	11,03	27,99			
2007	12,65	30,90			
2008	13,32	33,34	25,25		
2009	13,36	32,63	24,24	25,63	
2010	13,86	31,58	25,59	26,13	
2011	14,40	31,82	26,07	25,13	
2012	15,48	31,38	27,24	26,21	
2013	15,92	31,99	27,60	27,36	
2014	16,72	32,50	27,81	30,26	26,40
2015	17,00	32,57	28,97	30,02	25,88
2016	17,75	33,68	30,80	33,12	27,15
2017	19,25	34,92	32,37	33,34	28,45
2018	21,08	36,89	34,91	35,06	30,60
2019	22,00	38,16	35,31	37,91	31,56

Источник: Расчеты авторов по неопубликованным данным Росстата.

Вторая отличительная особенность рождаемости на Северном Кавказе, сохранившаяся вплоть до новейшего времени, – это меньший по сравнению с общероссийским интергенетический интервал. Этот показатель по данным официальной статистики за постсоветские годы мы рассчитывали как разность среднего возраста матери при рождении второго и первого ребенка (возрасты матери рассчитывали как средневзвешенную сумму возрастов при рождении ребенка в полных годах, с возрастными коэффициентами рождаемости в качестве весов). Как видно из таблицы 2, сокращение данной разности с конца 2000-х годов наблюдалось и в России в целом, и в рассматриваемых северокавказских регионах. Однако по абсолютным значениям этот показатель во всех четырех республиках Северного Кавказа был заметно ниже общероссийского. По разности возрастов при рождении последующих детей подобного

³ Показатели рождаемости детей отдельных очередностей приводятся только за те годы, за которые в неопубликованных материалах Росстата для исследуемых регионов число родившихся детей указывалось по порядкам рождений. Необходимо также упомянуть, что исследователи допускают занижение КСР первых детей в регионах Северного Кавказа (Архангельский 2019), в связи с чем может быть завышен и вклад третьих детей в итоговый КСР. Однако прямой расчет доли третьих и последующих детей среди всех родившихся (результаты здесь не показаны для экономии объема) также дает для Северного Кавказа более высокий процент третьих и последующих детей по сравнению с общероссийским.

контраста между исследуемыми регионами и Россией в целом не наблюдалось (соответствующие данные не показаны здесь для экономии объема). Ниже в данной работе разности между средними возрастными женщинами при рождении детей различных порядков по данным официальной статистики за постсоветские годы сопоставлены с возрастными интервалами между реальными деторождениями у женщин 1920-1970-х г.р. по данным МП94. Методологические проблемы и ограничения, связанные с таким сопоставлением, обсуждаются в разделе 6. Для краткости разность средних возрастов женщин при рождении детей разных порядков, посчитанная на основе данных официальной статистики, ниже также условно называется интервалом между деторождениями.

Таблица 2. Разности средних возрастов матери при рождении второго и первого ребенка, РФ и регионы Северного Кавказа, 2003-2019, годы

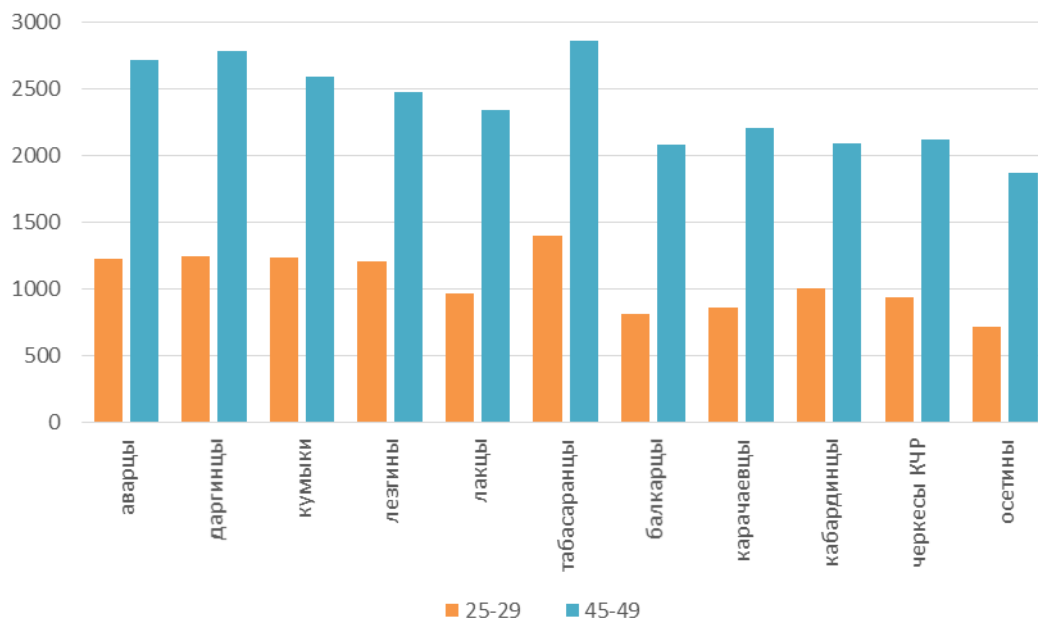
	РФ	Дагестан	КБР	КЧР	РСО-Алания
2003	4,76	2,27			
2004	4,82	2,46			
2005	4,81	2,56			
2006	4,83	2,45			
2007	4,80	2,66			
2008	4,86	2,90	3,27		
2009	4,78	2,80	3,12	3,05	
2010	4,65	2,77	2,97	3,22	
2011	4,58	2,69	2,89	2,80	
2012	4,51	2,67	2,77	2,85	
2013	4,35	2,52	2,84	2,88	
2014	4,23	2,62	2,65	2,87	2,93
2015	4,06	2,58	2,30	2,49	2,68
2016	4,00	2,76	2,67	2,59	2,72
2017	3,83	2,50	2,45	2,34	2,55
2018	3,71	2,52	2,47	2,32	2,67
2019	3,73	2,62	2,17	2,32	2,51

Источник: Расчеты авторов по неопубликованным данным Росстата.

Наконец, еще одна отличительная характеристика рождаемости на Северном Кавказе – это межэтнические различия по числу рожденных детей. Как известно, данные текущего учета не позволяют выявить различия по репродуктивному поведению между этническими группами, проживающими в одном и том же регионе. Анализ данных российских переписей населения показал, что межэтнические различия по рождаемости наблюдались на Северном Кавказе в постсоветское время, хотя амплитуда этих различий сокращалась (Богоявленский 2012; Kazenin, Kozlov 2023). На рисунке 3 показано среднее число рожденных детей у женщин 25-29 и 45-49 лет основных этносов рассматриваемых регионов по данным Всероссийской переписи населения 2010 г. (ВПН2010). Более высокие значения этого показателя у народов Дагестана соответствуют более высокому общему уровню рождаемости в этом регионе в переписной период (см. рисунок 1). В Дагестане в обеих возрастных группах высокой рождаемостью отличаются табасаранцы, наиболее низкое среднее число рожденных детей – у лакцев. Среди этносов Северо-Западного Кавказа наиболее низкие значения показателя для обеих возрастных групп у осетин. Среди женщин 25-29 лет более высокое число рожденных детей наблюдается у кабардинцев и черкесов КЧР по сравнению с карачаевцами и балкарцами. Однако почти полное нивелирование этих различий у женщин 45-49 лет позволяет предположить, что различия носят скорее тайминговый характер (Казенин, Сороко 2021), что

демонстрирует регулярно более молодой возраст вступления в брак у кабардинцев и черкесов КЧР по сравнению с карачаевцами и балкарцами.

Рисунок 3. Среднее число рожденных детей у женщин в возрасте 25-29 и 45-49 лет по этносам регионов Северного Кавказа, ВПН2010, детей на 1000 женщин



Источник: Расчеты авторов по данным ВПН2010.

Задачи, данные и методы исследования

В свете изложенной во введении проблематики исследование имеет следующие конкретные задачи:

- сопоставить рождаемость детей разных порядков у когорт разных советских лет рождения в исследуемых республиках Северного Кавказа и в России в целом; это сопоставление покажет, в какой степени различия между Северным Кавказом и Россией в целом по вкладам третьих и последующих детей в рождаемость отражает ситуацию, наблюдавшуюся на разных этапах в советское время;
- сопоставить разные «советские» когорты регионов Северного Кавказа и России в целом по интервалу между первым и вторым рождениями; это позволит увидеть, воспроизводят ли «постсоветские» различия между страновым значением этого показателя и его значениями для северокавказских республик те различия, которые существовали на предшествующих исторических этапах;
- оценить межэтнические различия по рождаемости детей конкретных порядков у когорт северокавказских женщин, родившихся в советское время; поскольку рождение по крайней мере одного ребенка в советское время на Северном Кавказе, как в значительной степени и в России в целом, носило практически «обязательный» характер, мы рассматриваем межэтнические различия при переходе ко вторым, третьим, четвертым детям.

В качестве источника данных мы выбрали результаты МП94, так как в этой базе содержится информация о годе и месяце каждого деторождения всех включенных в

выборку женщин. Это позволяет определить возраст женщины при каждом деторождении с точностью до месяца, что в свою очередь дает возможность как для достаточно детальных дескриптивных сопоставлений, так и для построения моделей наступления деторождений с помесечным шагом.

Термин «коренные народы», употребляемый в данной работе, носит в достаточной мере условный характер. Под коренными народами северокавказских регионов мы понимаем неславянские народы, для которых эти регионы на протяжении длительного времени были основным местом проживания. Этническая принадлежность респондентов МП94 основывалась на их ответе на следующий вопрос анкеты: «К какой национальности, народности, этнической группе себя относите?». При такой формулировке вопроса часть респондентов идентифицировала себя в качестве представителей малых этнических групп (субэтносов), родственных крупным этносам Северного Кавказа. Особенно распространено это было в Дагестане, где общее число этносов по данным МП94 превышало 30. В нашем анализе мы несколько «упростили» данные об этническом составе дагестанских респондентов. Параметр этнической принадлежности для дагестанских респондентов МП94 имел в нашем анализе шесть значений, соответствующих наиболее крупным этносам: аварцы, даргинцы, кумыки, лезгины, лакцы, табасаранцы. К аварцам были «присоединены» многочисленные родственные им этнические группы (андийцы, бежтинцы, багвалинцы и др.); число даргинцев дополнили близкие им по языку и горному ареалу проживания кайтагцы и кубачинцы; малые народы Южного Дагестана (агульцы, рутульцы, цахуры) рассматривали совместно с лезгинами, наиболее крупным народом этого субрегиона.

Что касается Северо-Западного Кавказа, то там параметр этничности имел следующие значения: адыгейцы, балкарцы, кабардинцы, карачаевцы, осетины, черкесы. Определенные методологические трудности были связаны с атрибуцией женщин черкесского (адыгского) происхождения, «распределенных» в данных МП94 между тремя принятыми в советское время этнонимами (адыгейцы, кабардинцы и черкесы). Если один из этих этнонимов, кабардинцы, соответствовал исторически четко выделяемому субэтносу в составе черкесов, то этнонимы «адыгейцы» и «черкесы» были совершенно условны и фактически просто различали черкесское население, проживающее соответственно в Адыгее и Карачаево-Черкесии. В МП94 выбор респондентами между этими двумя этнонимами, насколько можно судить, тоже в значительной мере определялся регионом проживания. Тем не менее было принято решение сохранить данные этнонимы при анализе, потому что они могли отражать возможные межрегиональные различия внутри черкесского этноса. Абазинов, родственный черкесам народ, проживающий в основном в Карачаево-Черкесии, рассматривали вместе с черкесами.

Анализ проводили отдельно для коренных народов Дагестана и коренных народов Северо-Западного Кавказа. Причина их раздельного рассмотрения связана с тем, что Дагестан и Северо-Западный Кавказ довольно существенно отличались по хронологии и темпу социальных изменений в советское время. В частности, у коренных народов Северо-Западного Кавказа значительно раньше, чем в Дагестане, наступил этап интенсивной миграции в города (Белозеров 2005). Поэтому можно было предполагать, что изменения в репродуктивном поведении когорт в этих двух частях Северного Кавказа будут также проходить не синхронно, и имело смысл отдельно отследить траекторию этих изменений у дагестанских женщин и женщин северо-западных регионов Кавказа.

Подвыборка женщин Северо-Западного Кавказа включала женщин всех основных этносов этой части России, проживавших на момент переписи в Северной Осетии, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, а также в Адыгее⁴. В рассмотрение включали только женщин, проживавших на момент МП94 в республиках Северного Кавказа. Включение женщин северокавказских этносов, проживавших в других регионах, усложняло бы анализ, заставляя дополнительно добавить в него фактор миграции.

Сопоставлялись пятилетние когорты женщин от 1925-29 до 1970-74 г.р. Выборка МП94 позволяла рассматривать и когорты более ранних годов рождения (1900-24), однако они были исключены по нескольким причинам. Во-первых, их представительство было меньше, чем более младших когорт, что затрудняло выявление статистически значимых контрастов между когортами этих и других годов рождения. Во-вторых, на их брачно-репродуктивную историю существенное влияние могло оказать участие мужского населения в Великой Отечественной войне и последовавшие за ним «перекося» на брачном рынке (обсуждение данной проблематики применительно к России в целом на данных МП94 см. в (Scherbov, van Vianen 2001)). Наконец, хорошо известно, что при опросе женщин старших возрастов, особенно относящихся к когортам с высокой рождаемостью и высокой детской смертностью, вероятны «пропуски» информации о некоторых детях, что также затрудняло сопоставление указанных когорт с более младшими (Ksenofontova 1994).

В *дескриптивной части* исследования рассматривали только когорты, на момент МП94 завершившие свой репродуктивный период или близкие к его завершению (с когорты 1925-29 до 1950-54 годов). Вычисляемые для них показатели могли быть достаточно надежным инструментом межкогортного сопоставления, поскольку не ожидалось их (существенного) изменения в ходе дальнейшего жизненного пути женщин соответствующей когорты. Вычисляли следующие показатели (с 95%-ными доверительными интервалами):

- вероятности перехода ко второму, третьему, четвертому детям (вычисляли как соотношение числа женщин, имеющих n и более детей, к числу женщин, имеющих $(n-1)$ и более детей);
- возрастные интервалы между первыми и вторыми детьми (вычисляли как среднее значение разности возраста женщины при рождении n -ого и $(n+1)$ -го ребенка).

Поскольку интервалы между рождениями регулярно коррелируют с итоговым числом рожденных детей, сопоставлять их у женщин разных когорт независимо от числа рожденных детей было бы некорректно. Вместе с тем отдельно исследовать интервалы между рождениями у групп женщин с разными конкретными числами рожденных детей, как это сделано для всей выборки МП94 в (Scherbov, van Vianen 2001:291-292), было также проблематично: из-за сравнительно небольшого числа женщин исследуемых национальностей статистическое сопоставление интервалов у разных когорт в рамках этого метода было бы затруднено. Поэтому было принято компромиссное решение: сопоставлялись интервалы между первыми и вторыми рождениями у женщин, родивших

⁴ При сопоставлении тенденций рождаемости постсоветского периода на Северном Кавказе и в России в целом в разделе 2 Республика Адыгея не была включена в рассмотрение, поскольку в ее населении доля представителей северокавказских этносов составляет менее 30%. В этническом плане проживающие в этом регионе адыгейцы весьма близки черкесам Карачаево-Черкесии и кабардинцам Кабардино-Балкарии.

трех детей *или более*. Такое решение виделось обоснованным по двум причинам. Во-первых, даже если интервал между первым и вторым рождением зависит от намерения пары иметь больше двух детей, представляется маловероятным, чтобы он существенно менялся в зависимости от того, сколько именно детей пара собирается завести после третьего ребенка. Во-вторых, у женщин рассматриваемых когорт доля имеющих трех и более детей колебалась между 52 и 70% у народов Дагестана и между 47-56% у народов Северо-Западного Кавказа, т. е. во всех когортах женщины, включаемые в рассмотрение при таком варианте анализа, составляли большинство или, по крайней мере, около половины всей выборки.

Вероятности перехода к детям разных порядков и длину интервала между первыми и вторыми детьми рассматривали для когорт Дагестана и Северо-Западного Кавказа без различения этносов (их вычисление отдельно для каждого этноса могло существенно затруднить сопоставление из-за малых объемов подвыборок).

Инструментом *статистического анализа* были модели пропорциональных рисков (регрессии Кокса), построенные для перехода ко вторым, третьим и четвертым детям отдельно для Дагестана и для Западного Кавказа. Основная цель построения этих моделей состояла в том, чтобы оценить роль этнической принадлежности женщины для переходов к детям различных порядков. В выборке МП94 группы женщин разных национальностей могли отличаться по разным социально-демографическим параметрам, потенциально значимым для рождаемости (таким, как уровень образования, принадлежность к городскому или сельскому населению и др.). Модели пропорциональных рисков позволяли отделить роль параметра этнической принадлежности от роли этих параметров путем одновременного включения их в анализ. При этом модели пропорциональных рисков позволяли сопоставлять роль этнической принадлежности, включая в рассмотрение в том числе и когорты, не завершившие свой репродуктивный период.

Моделируемым событием в нашем анализе было зачатие ребенка той или иной очередности. Считали, что оно предшествует рождению ребенка на девять месяцев. Началом периода риска был месяц после рождения предыдущего ребенка. Окончанием периода риска у женщин, родивших следующего ребенка, считался месяц его зачатия; у женщин 50 лет и старше, не родивших следующего ребенка, – месяц, в котором им исполнилось 50; у женщин до 50 лет, не родивших следующего ребенка, – девять месяцев до проведения опроса (поскольку, если зачатие произошло позже, о его факте нельзя было судить по имевшим место до опроса рождением). Если интервал между рождением предыдущего ребенка и ребенка моделируемой очередности был семь или восемь месяцев, временем зачатия считали первый месяц после рождения предыдущего ребенка. Женщин, у которых интервал между какими-либо двумя рождением, согласно МП94, был менее семи месяцев, исключали из рассмотрения. Также исключали женщин, у которых возраст первого рождения оказывался меньше полных 15 лет. Кроме того, при анализе перехода к рождению конкретного ребенка исключали женщин, у которых до этого родились близнецы.

Как и при дескриптивном анализе, при моделировании самой старшей была когорта 1925-29 г.р. Самой младшей была когорта 1970-74 г.р. (ее исключали при анализе перехода к третьим и четвертым детям, так как деторождения этих порядков в данной когорте на момент МП94 были крайне редки). В качестве референтной категории в моделях была

выбрана когорта 1950-54 г.р. как приблизительно «равноудаленная» от самых старших и самых молодых когорт.

Таблица 3. Численность женщин основных коренных народов, проживающих в республиках Северного Кавказа, в базе данных МП94, по когортам

А. Народы Дагестана

	Аварцы	Даргинцы	Кумыки	Лакцы	Лезгины	Табасаранцы	Всего
1925-29	381	246	185	51	185	46	1094
1930-34	558	335	258	88	293	87	1619
1935-39	597	288	271	117	318	102	1693
1940-44	330	176	210	77	157	44	994
1945-49	388	241	241	74	186	58	1188
1950-54	701	348	381	109	322	110	1971
1955-59	954	503	453	171	507	156	2744
1960-64	1206	588	547	181	511	178	3211
1965-69	1116	609	495	180	465	195	3060
1970-74	1179	570	539	182	576	256	3302
Всего	7410	3904	3580	1230	3520	1232	20876

Б. Народы Северо-Западного Кавказа

	Кабардинцы	Балкарцы	Карачаевцы	Черкесы	Адыгейцы	Осетины	Всего
1925-29	283	39	90	76	175	476	1139
1930-34	436	80	130	104	178	586	1514
1935-39	615	95	231	136	252	750	2079
1940-44	476	70	150	103	154	510	1463
1945-49	338	50	108	73	139	442	1150
1950-54	554	135	228	116	192	582	1807
1955-59	682	184	286	154	291	731	2328
1960-64	891	137	345	168	295	845	2681
1965-69	809	130	287	127	241	788	2382
1970-74	791	141	332	142	214	804	2424
Всего	5875	1061	2187	1199	2131	6514	18967

Кроме параметра когортной принадлежности, в модели включали следующие параметры:

1. *этническая принадлежность*. В качестве референтной категории выбирали наиболее многочисленны этносы: аварцев в Дагестане, кабардинцев на Северо-Западном Кавказе. В таблице 3 показано распределение женщин в выборке МП94 по когортам и этнической принадлежности;
2. *уровень образования*. Данные МП94 об образовании респондентов были несколько упрощены, различалось всего три уровня образования: высшее и неоконченное высшее (референтная группа), среднее (включая среднее специальное и неполное среднее), ниже среднего (начальное, отсутствие начального, неграмотные);
3. *состояние в браке*. Этот параметр был переменным во времени. Если женщина на протяжении периода риска дважды состояла в браке, то положительное значение параметр получал для времени обоих браков. В рамках МП94 различались зарегистрированные и незарегистрированные браки. В моделях это различие не приводили. Среди женщин коренных народов Дагестана состоящие в незарегистрированном браке, согласно МП94, составляли около 2%, среди женщин коренных народов Северо-Западного Кавказа – около 3%;
4. *наличие умерших детей*. Год и месяц смерти ребенка содержался в базе данных МП94, поэтому параметры, указывающие, жив ли ребенок той или иной

- очередности, в моделях были изменяемыми по времени. Использование этих параметров представлялось целесообразным, поскольку смерть одного из предыдущих детей могла служить стимулом для перехода к следующему ребенку;
5. *рождение в городе или на селе*. Как уже было отмечено, вторая половина XX века на Северном Кавказе была периодом интенсивного переезда представителей коренных этносов в города. Факт проживания женщины в городе или на селе на момент переписи ничего не говорил о том, в населенном пункте какого типа она жила на предшествующих отрезках своего репродуктивного периода. При этом полная миграционная история женщины на основе данных МП94 восстановлена быть не могла (имелась информация только о проживании в городе или на селе перед переездом в текущее место жительства). Поэтому в модель был включен параметр, указывающий на городское или сельское место *рождения* женщины. Это решение было основано на предположении, что рождение женщины на селе с большой вероятностью предполагает ее раннюю социализацию в сельской местности, а значит, и восприятие норм репродуктивного поведения, характерных для села;
 6. *возраст женщины при рождении первого ребенка*. Вводили в модели, так как дальнейшая репродуктивная история женщины может существенно зависеть от возраста «старта» материнства.

Дескриптивные результаты

Для общей характеристики рождаемости когорт, закончивших или заканчивавших свой репродуктивный период на момент МП94, в таблице 4 приведены значения среднего числа рожденных у этих когорт детей. На Северо-Западном Кавказе итоговая рождаемость, по данным МП94, снижалась от когорты к когорте, а в Дагестане тренд на повышение наблюдался для от когорты 1925-29 до 1940-44 г.р., затем сменившись снижением.

Таблица 4. Среднее число рожденных детей у женщин когорт 1920-1950-х годов рождения, коренные народы Дагестана и Северо-Западного Кавказа, средние и 95%-ные доверительные интервалы

	Дагестан			Северо-Западный Кавказ		
	среднее	нижняя граница	верхняя граница	среднее	нижняя граница	верхняя граница
1925-29	3,10	2,96	3,25	2,95	2,83	3,08
1930-34	3,56	3,43	3,68	3,02	2,91	3,12
1935-39	3,67	3,56	3,79	2,78	2,70	2,86
1940-44	3,77	3,63	3,92	2,71	2,62	2,79
1945-49	3,59	3,47	3,70	2,51	2,43	2,59
1950-54	3,37	3,29	3,45	2,48	2,41	2,54

Источник: Расчеты авторов по базе данных МП94.

В таблице 5 показаны средние возрасты женщин тех же когорт при рождении первого ребенка. В Дагестане этот показатель стремительно снижался от старших когорт к младшим, снижение от самой старшей к самой младшей составило почти четыре года. У этносов Северо-Западного Кавказа также наблюдалось омоложение материнства, однако оно составило только около полутора лет от самой старшей к самой младшей когорте. Отметим, что по уровню и темпу снижения возраста при рождении первого ребенка женщины коренных народов Северо-Западного Кавказа достаточно близки общероссийской совокупности женщин данных когорт, опрошенных в ходе МП94

(Scherbov, van Vianen 2001:291-292), тогда как народы Дагестана демонстрировали гораздо более быстрое снижение этого показателя, чем население России в целом.

Таблица 5. Средние возрасты при рождении первого ребенка у женщин когорт 1920-1950-х годов рождения, коренные народы Дагестана и Северо-Западного Кавказа, средние и 95%-ные доверительные интервалы

	Дагестан			Северо-Западный Кавказ		
	среднее	нижняя граница	верхняя граница	среднее	нижняя граница	верхняя граница
1925-29	26,90	26,52	27,28	25,83	25,50	26,17
1930-34	26,04	25,74	26,34	25,59	25,31	25,86
1935-39	25,41	25,14	25,69	25,54	25,30	25,77
1940-44	24,13	23,82	24,43	25,40	25,13	25,68
1945-49	23,35	23,11	23,60	24,31	24,04	24,58
1950-54	22,93	22,76	23,11	24,27	24,05	24,49

Источник: Расчеты авторов по базе данных МП94.

В таблице 6 показаны вероятности перехода ко второму, третьему, четвертому ребенку. Межкогортная динамика этих показателей была разной в Дагестане и на Северо-Западном Кавказе. В Дагестане вероятность перехода ко второму ребенку имела тенденцию к росту от когорты 1925-29 до 1940-44 г.р., в последующих двух когортах сохранялась стабильной; вероятность перехода к третьему ребенку в Дагестане от когорты к когорте была стабильной, а вероятность перехода к четвертому ребенку демонстрировала снижение, начиная с когорты 1940-44 годов. На Северо-Западном Кавказе вероятность перехода ко второму ребенку была стабильной от когорты к когорте, а вероятности перехода к третьему и четвертому ребенку демонстрировали устойчивое снижение от старших когорт к младшим.

Таблица 6 для сопоставления содержит также значения вероятностей перехода к детям тех же порядков по России в целом для когорт, близких по годам рождения, рассматриваемым нами (источник: (Вишневский 2006:179), где приведены соответствующие показатели для России, рассчитанные С.В. Захаровым на основе специальных таблиц рождаемости). Легко видеть, что для всех когорт Северного Кавказа значения этих вероятностей были выше, чем у близких к ним по годам рождения общероссийских когорт. Особенно заметен был этот контраст для вероятностей перехода к третьим и четвертым детям. Кроме того, в России в целом вероятность перехода к детям всех порядков стабильно снижалась от когорты к когорте на фоне более сложной динамики у северокавказских этносов.

Таблица 6. Вероятность перехода к детям разных порядков у женщин когорт 1920-1950-х годов рождения, РФ, коренные народы Дагестана и Северо-Западного Кавказа, средние и 95%-ные доверительные интервалы

Годы рождения женщин	Дагестан			Северо-Западный Кавказ			Россия	
	среднее	нижняя граница	верхняя граница	среднее	нижняя граница	верхняя граница	годы рождения женщин	значение
1->2								
1925-29	79,4	76,8	82,0	80,3	77,8	82,8	1924-28	74,4
1930-34	85,0	83,1	86,9	82,9	80,9	84,9	1929-33	74,3
1935-39	87,6	85,9	89,2	83,2	81,5	84,9	1934-38	71,8
1940-44	90,6	88,7	92,5	82,6	80,6	84,6	1939-43	70,4
1945-49	90,4	88,6	92,1	86,5	84,4	88,6	1944-48	67,5
1950-54	90,4	89,1	91,7	86,1	84,4	87,8	1949-53	70,2
2->3								
1925-29	77,1	74,0	80,1	73,9	70,8	76,9	1924-28	50,6
1930-34	80,0	77,7	82,2	74,3	71,7	76,8	1929-33	44,2
1935-39	80,5	78,4	82,6	70,2	67,9	72,5	1934-38	36,2
1940-44	81,9	79,2	84,5	66,4	63,6	69,1	1939-43	33,0
1945-49	81,6	79,3	84,0	61,0	57,8	64,1	1944-48	27,3
1950-54	79,8	77,9	81,8	59,8	57,3	62,4	1949-53	26,5
3->4								
1925-29	74,3	70,7	77,9	68,4	64,6	72,1	1924-28	50,6
1930-34	77,5	74,9	80,1	62,1	58,8	65,4	1929-33	46,8
1935-39	75,8	73,3	78,4	55,7	52,7	58,7	1934-38	42,3
1940-44	71,7	68,3	75,0	52,2	48,6	55,8	1939-43	39,7
1945-49	64,3	61,1	67,6	42,3	38,2	46,4	1944-48	34,3
1950-54	59,7	57,1	62,3	37,7	34,4	41,0	1949-53	28,9

Источник: Дагестан, Северо-Западный Кавказ – расчеты авторов по базе данных МП94; Россия – (Вишневецкий 2006).

В таблице 7 показаны средние интервалы между первыми и вторыми деторождениями по когортам. Они снижались от старших когорт к младшим в Дагестане: у когорты 1925-29 годов интервал составлял почти три с половиной года, у когорты 1950-54 годов приближался к двум с половиной годам. На Северо-Западном Кавказе интервал у рассматриваемых когорт демонстрировал стабильность, оставаясь в пределах 2,4-2,6 года. И по абсолютно величине интервала, и по ее динамике исследуемые этносы существенно отличаются от общей совокупности женщин в выборке МП94. По России в целом у респонденток МП94 второй половин 1920-х – первой половины 1930-х г.р., родивших трех детей, интервал между первым и вторым рождениями составлял около трех лет, а у более младших когорт, родившихся в 1930-1950-е годы, наблюдалось его постепенное увеличение преимущественно за счет снижения возраста при рождении первого ребенка (Scherbov, van Vianen 2001:292). Как мы видели, снижение возраста при рождении первого ребенка имело место и у коренных народов Северного Кавказа, однако у них оно не сопровождалось увеличением интервала между первыми и вторыми рождениями (а в Дагестане, даже наоборот, сопровождалось ростом этого интервала). Отличия между северокавказскими этносами и населением России в целом подтверждается и при обращении к страновым показателям, вычисленным на основе данных текущего учета населения (авторы благодарят С.В. Захарова, любезно

предоставившие соответствующие показатели, вычисленные на основе построенных им специальных таблиц рождаемости для женщин различных когорт). Так, для женщин 1944-54 г.р. по России в целом длина вычисленного на этих данных интервала между первыми и вторыми рожденьями составляла 4,32-4,52 года и, в отличие от Дагестана, не демонстрировала какой-либо однонаправленной динамики⁵.

Таблица 7. Интервал между первым и вторым рожденьями у женщин когорт 1920-1950-х годов рождения, имеющих трех или более детей, коренные народы Дагестана и Северо-Западного Кавказа, лет

Годы рождения	Дагестан			Северо-Западный Кавказ		
	среднее	нижняя граница	верхняя граница	среднее	нижняя граница	верхняя граница
1925-29	3,43	3,23	3,63	2,74	2,57	2,91
1930-34	3,33	3,19	3,48	2,73	2,60	2,86
1935-39	3,21	3,07	3,34	2,58	2,48	2,68
1940-44	2,90	2,76	3,03	2,54	2,43	2,66
1945-49	2,86	2,73	2,99	2,71	2,57	2,86
1950-54	2,69	2,60	2,79	2,52	2,41	2,63

Источник: Расчеты авторов по базе данных МП94.

Результаты статистического анализа

Обратимся теперь к результатам моделирования наступления событий. В таблице 8 показаны результаты для когорт дагестанских женщин. Модели обнаружили весьма неодинаковую картину для перехода к детям разных очередностей в Дагестане.

В числе включенных объясняющих переменных (ковариат) фактором основного интереса была когортная принадлежность. Референтной группой служило поколение 1950-54 г.р., и риски для всех остальных когорт интерпретировали как больше или меньше относительно этой группы. Риски перехода ко второму ребенку растут от самой старшей когорты до когорт 1955-64 г.р., после этих когорт постепенно снижаются. Для перехода к третьим детям когорты 1930-1954 г.р. образуют своего рода «плато» с примерно одинаковым уровнем рисков, снижение наступает у последующих когорт. Наконец, риски перехода к четвертым детям монотонно и достаточно быстро снижаются, начиная с когорты 1940-1944 г.р.

Этническая принадлежность женщины (референтная группа – аварцы) оказывает примерно одинаковое влияние на риски перехода к детям разных порядков. Наиболее низкие риски по всем трем детям у лакцев, наиболее высокие у табасаранцев. У лезгин, соседей табасаранцев по Южному Дагестану, близкие к ним риски перехода ко второму ребенку, но ниже риски перехода к третьим и четвертым детям. У кумыков риски перехода к детям всех порядков ниже референтной группы, однако «отрыв» от нее не так велик, как у лакцев. Наконец, между даргинцами и аварцами значимых различий по рискам перехода к какому-либо ребенку не обнаружено.

⁵ Сопоставление абсолютных значений интервалов, вычисленных на основе МП94 и на основе данных текущего учета, некорректно, поскольку последние определяются как разница средних возрастов первого и второго рождений, вычисленных табличными методами с использованием возрастных коэффициентов рождаемости, учитывающих всех женщин, независимо от итогового числа рожденных детей.

Влияние других параметров в моделях, построенных для дагестанских женщин, хорошо соответствует стандартным ожиданиям о роли этих параметров в формировании трендов рождаемости. У женщин, родившихся в городах, риски перехода к следующему ребенку ниже, чем у родившихся на селе, причем от вторых к четвертым детям различия становятся более заметными. У женщин, состоящих в браке, риски перехода к следующему ребенку в 3-3,5 раза выше, чем у не состоящих, что хорошо соответствует малой доле детей, рождающихся вне брака, у данных когорт на Северном Кавказе. Более высокий уровень образования коррелирует с меньшими рисками перехода к детям всех порядков. Смерть любого из рожденных детей повышает риски перехода к следующему ребенку. Риски переходов негативно связаны с возрастом женщины при рождении первого ребенка.

В таблице 9 содержатся результаты моделирования для Северо-Западного Кавказа. По рискам перехода ко второму ребенку наблюдается небольшой подъем от самых старших когорт до «плато», включающего когорты 1945-64 г.р. У более молодых когорт риски постепенно снижаются. Что касается перехода к третьим и четвертым детям, то для них модели указывают на монотонное снижение от старших к младшим когортам. Таким образом, и в Дагестане, и на Северном Кавказе снижение рисков перехода к третьим и четвертым детям началось у более старших когорт, чем снижение рисков перехода ко вторым детям. Такой «ступенчатый» процесс, скорее всего, был возможен только при использовании средств контроля рождаемости, применяемых в зависимости от числа рожденных детей.

Наиболее заметный межэтнический контраст, выявленный моделями на Северо-Западном Кавказе, – это более высокие риски перехода к детям всех порядков у двух близкородственных этносов: карачаевцев и балкарцев. У черкесов КЧР и адыгейцев Адыгеи риски перехода к детям всех порядков ниже, чем у близкородственных им кабардинцев. Наконец, у осетин соотношение рисков с референтной группой (кабардинцами) разное для разных порядков рождения.

Что касается других параметров, то по их эффектам модели для Северо-Западного Кавказа мало отличаются от таковых для Дагестана. Можно отметить лишь несколько более слабый по сравнению с Дагестаном эффект состояния в браке.

Таблица 8. Модели пропорциональных рисков для перехода ко второму, третьему, четвертому ребенку по данным МП94, коренные народы Дагестана

Модель для второго ребенка				Модель для третьего ребенка				Модель для четвертого ребенка			
Ковариаты	Haz. ratio	Std. err.	P>z	Ковариаты	Haz. ratio	Std. err.	P>z	Ковариаты	Haz. ratio	Std. err.	P>z
Когорта:				Когорта:	0,838	0,047	0,002	Когорта:	1,251	0,086	0,001
1925-29	0,646	0,032	0,000	1925-29				1925-29			
1930-34	0,710	0,030	0,000	1930-34	0,929	0,044	0,119	1930-34	1,374	0,079	0,000
1935-39	0,794	0,031	0,000	1935-39	1,018	0,045	0,680	1935-39	1,378	0,074	0,000
1940-44	0,889	0,039	0,007	1940-44	1,032	0,050	0,511	1940-44	1,346	0,080	0,000
1945-49	0,924	0,037	0,047	1945-49	1,022	0,046	0,620	1945-49	1,096	0,062	0,107
1950-54 (реф.)	1			1950-54 (реф.)	1			1950-54 (реф.)	1		
1955-59	1,080	0,035	0,017	1955-59	0,929	0,034	0,046	1955-59	0,899	0,045	0,031
1960-64	1,068	0,035	0,041	1960-64	0,796	0,031	0,000	1960-64	0,685	0,040	0,000
1965-69	0,931	0,034	0,048	1965-69	0,521	0,029	0,000	1965-69	0,441	0,058	0,000
1970-74	0,647	0,041	0,000	1970-74	0,389	0,088	0,000				
Возраст при рождении первого ребенка	0,960	0,002	0,000	Возраст при рождении первого ребенка	0,953	0,003	0,000	Возраст при рождении первого ребенка	0,947	0,004	0,000
Состояние в браке:				Состояние в браке:	3,073	0,229	0,000	Состояние в браке:	3,014	0,356	0,000
0 – нет (реф.)	3,778	0,178	0,000	0 – нет (реф.)				0 – нет (реф.)			
1 – да				1 – да				1 – да			
Первый ребенок умер:				Первый ребенок умер:	1,529	0,099	0,000	Первый ребенок умер:	1,324	0,103	0,000
0 – нет (реф.)	1,963	0,115	0,000	0 – нет (реф.)				0 – нет (реф.)			
1 – да				1 – да				1 – да			
				Второй ребенок умер:	1,676	0,123	0,000	Второй ребенок умер:	1,474	0,125	0,000
				0 – нет (реф.)				0 – нет (реф.)			
				1 – да				1 – да			
								Третий ребенок умер:	1,610	0,122	0,000
								0 – нет (реф.)			
								1 – да			
Место рождения:				Место рождения:	0,675	0,021	0,000	Место рождения:	0,658	0,031	0,000
0 – село (реф.)	0,811	0,019	0,000	0 – село (реф.)				0 – село (реф.)			
1 – город				1 – город				1 – город			
Образование (реф.: высшее)				Образование (реф.: высшее)				Образование (реф.: высшее)			
среднее	1,173	0,039	0,000	среднее	1,573	0,074	0,000	среднее	1,770	0,141	0,000
начальное	1,194	0,049	0,000	начальное	1,744	0,094	0,000	начальное	2,128	0,181	0,000

Модель для второго ребенка				Модель для третьего ребенка				Модель для четвертого ребенка			
Ковариаты	Haz. ratio	Std. err.	P>z	Ковариаты	Haz. ratio	Std. err.	P>z	Ковариаты	Haz. ratio	Std. err.	P>z
Этнос (реф.: аварцы)				Этнос (реф.: аварцы)				Этнос (реф.: аварцы)			
даргинцы	0,967	0,024	0,180	даргинцы	1,045	0,032	0,143	даргинцы	1,065	0,042	0,109
кумыки	0,935	0,025	0,011	кумыки	0,905	0,030	0,002	кумыки	0,808	0,036	0,000
лакцы	0,875	0,037	0,002	лакцы	0,783	0,043	0,000	лакцы	0,674	0,054	0,000
лезгины	1,160	0,029	0,000	лезгины	1,078	0,033	0,014	лезгины	0,967	0,039	0,400
табасаранцы	1,133	0,045	0,002	табасаранцы	1,313	0,061	0,000	табасаранцы	1,412	0,080	0,000
N	15788			N	12603			N	8596		
Месяцы риска	645282			Месяцы риска	644112			Месяцы риска	506498		
LogLikelihood	-115124,630			LogLikelihood	-77279,788			LogLikelihood	-43048,396		

Таблица 9. Модели пропорциональных рисков для перехода ко второму, третьему, четвертому ребенку по данным МП94, коренные народы Северо-Западного Кавказа

Модель для второго ребенка				Модель для третьего ребенка				Модель для четвертого ребенка			
Ковариаты	Haz. ratio	Std. err.	P>z	Ковариаты	Haz. ratio	Std. err.	P>z	Ковариаты	Haz. ratio	Std. err.	P>z
Когорта:				Когорта:				Когорта:			
1925-29	0,857	0,041	0,001	1925-29	1,520	0,090	0,000	1925-29	2,268	0,187	0,000
1930-34	0,937	0,041	0,137	1930-34	1,474	0,080	0,000	1930-34	1,853	0,146	0,000
1935-39	0,930	0,036	0,058	1935-39	1,333	0,064	0,000	1935-39	1,567	0,114	0,000
1940-44	0,903	0,037	0,012	1940-44	1,225	0,063	0,000	1940-44	1,406	0,110	0,000
1945-49	0,971	0,042	0,497	1945-49	1,097	0,061	0,095	1945-49	1,106	0,097	0,250
1950-54 (реф.)	1			1950-54 (реф.)	1			1950-54 (реф.)	1		
1955-59	0,983	0,035	0,644	1955-59	0,998	0,047	0,964	1955-59	0,792	0,065	0,005
1960-64	0,997	0,036	0,940	1960-64	0,853	0,044	0,002	1960-64	0,701	0,070	0,000
1965-69	0,852	0,036	0,000	1965-69	0,582	0,046	0,000	1965-69	0,539	0,122	0,006
1970-74	0,689	0,052	0,000	1970-74	0,534	0,144	0,020				
Возраст при рождении первого ребенка	0,956	0,002	0,000	Возраст при рождении первого ребенка	0,942	0,003	0,000	Возраст при рождении первого ребенка	0,929	0,005	0,000
Состояние в браке:				Состояние в браке:				Состояние в браке:			
0 – нет (реф.)	3,757	0,183	0,000	0 – нет (реф.)	2,784	0,243	0,000	0 – нет (реф.)	1,856	0,248	0,000
1 – да				1 – да				1 – да			

Модель для второго ребенка				Модель для третьего ребенка				Модель для четвертого ребенка			
Ковариаты	Haz. ratio	Std. err.	P>z	Ковариаты	Haz. ratio	Std. err.	P>z	Ковариаты	Haz. ratio	Std. err.	P>z
Первый ребенок умер:				Первый ребенок умер:				Первый ребенок умер:			
0 – нет (реф.)	2,253	0,151	0,000	0 – нет (реф.)	1,742	0,135	0,000	0 – нет (реф.)	1,410	0,137	0,000
1 – да				1 – да				1 – да			
				Второй ребенок умер:				Второй ребенок умер:			
				0 – нет (реф.)	1,778	0,161	0,000	0 – нет (реф.)	1,692	0,200	0,000
				1 – да				1 – да			
								Третий ребенок умер:			
								0 – нет (реф.)	1,500	0,138	0,000
								1 – да			
Место рождения:				Место рождения:				Место рождения:			
0 – село (реф.)	0,758	0,018	0,000	0 – село (реф.)	0,716	0,024	0,000	0 – село (реф.)	0,753	0,044	0,000
1 – город				1 – город				1 – город			
Образование (реф.: высшее)				Образование (реф.: высшее)				Образование (реф.: высшее)			
среднее	1,146	0,033	0,000	Среднее	1,543	0,069	0,000	среднее	1,512	0,138	0,000
начальное	1,135	0,048	0,003	Начальное	1,932	0,111	0,000	начальное	2,076	0,207	0,000
Этнос (реф.: кабардинцы)				Этнос (реф.: кабардинцы)				Этнос (реф.: кабардинцы)			
балкарцы	1,233	0,055	0,000	Балкарцы	1,260	0,071	0,000	балкарцы	1,281	0,100	0,001
карачаевцы	1,256	0,042	0,000	Карачаевцы	1,412	0,058	0,000	карачаевцы	1,327	0,078	0,000
черкесы	0,862	0,034	0,000	Черкесы	0,783	0,042	0,000	черкесы	0,922	0,069	0,277
адыгейцы	0,809	0,026	0,000	Адыгейцы	0,793	0,035	0,000	адыгейцы	0,832	0,054	0,004
осетины	1,159	0,028	0,000	Осетины	0,861	0,029	0,000	осетины	0,662	0,035	0,000
N	14232			N	10939			N	6232		
Месяцы риска	677944			Месяцы риска	798955			Месяцы риска	546365		
LogLikelihood	-99062,374			LogLikelihood	-55616,413			LogLikelihood	-23145,966		

Обсуждение

В какой мере характеристики рождаемости, на которые указывает официальная статистика для Дагестана и Северо-Западного Кавказа за 2000-2010-е годы, коррелируют с теми особенностями перехода к детям различных порядков, которые выявлены нашим анализом для женщин 1920-1970-х г.р.?

Мы видели, что в постсоветское время интервал между рожденьями первых и вторых детей в рассматриваемых регионах Северного Кавказа был значительно ниже общероссийских уровней (таблица 2). У когорт женщин коренных народов Северо-Западного Кавказа, родившихся в 1920-1950-е годы, данный интервал был также ниже, чем по России в целом (таблица 7 и комментарии к ней). К сожалению, официальная статистика не дает значения этого интервала для Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и Северной Осетии за годы, непосредственно предшествовавшие 2007, когда начались выплаты материнского капитала. Поэтому невозможно сказать, связаны ли более низкие по сравнению с Россией в целом значения этого интервала после 2007 г. с их более стремительным снижением с реакцией на новую меру социальной политики или же в данных регионах на протяжении всего постсоветского времени сохранялась тенденция к более короткой, чем по стране, паузе между первым и вторым рожденьями, унаследованная от «советских» когорт.

Более сложную и в определенной степени неожиданную картину имеющиеся источники дают для динамики интервала между первыми и вторыми рожденьями в Дагестане. У самых старших из рассмотренных когорт этот интервал был выше общероссийского. Затем к более молодым когортам он снижался, а в постсоветское время, еще до начала выплат материнского капитала, его периодные значения были ниже, чем даже у самой молодой когорты, закончившей свой репродуктивный период к моменту МП94⁶. Сокращение интервала шло на фоне сокращения итоговой рождаемости когорт, а в постсоветские время еще более короткие интервалы наблюдались при еще более низкой периодной рождаемости, чем итоговая рождаемость самой младшей когорты, закончившей свой репродуктивный период на момент МП94. Очевидно, что в Дагестане

⁶ При сопоставлении динамики интервалов между рожденьями у когорт, охваченных МП94, и периодных значений интервалов в постсоветское время необходимо учитывать несколько ограничений. Во-первых, как уже было отмечено, показатели по МП94 были рассчитаны нами только для женщин, итоговая рождаемость которых составила трое детей или более, в то время как периодные показатели для постсоветских лет учитывают всех женщин. Однако известно, что длина интервалов между рожденьями и итоговое число детей находятся в обратной зависимости, вследствие чего, если бы при подсчете периодных показателей за постсоветские годы женщины, имевшие менее трех детей, были исключены, то значения этих показателей оказались бы еще ниже. Во-вторых, показатели за постсоветский период отражают характеристики рождаемости не только рассматриваемых в нашей статье этносов, но и русского населения северокавказских республик. Однако, учитывая, что в целом по России длина интервала в постсоветское время была выше, чем в республиках Северного Кавказа (таблица 7), и в общероссийское значение основной «вклад», очевидно, внесло русское население, можно утверждать, что длина интервала у русских была больше, чем у северокавказских этносов, так что их исключение при подсчете длины интервалов у населения Северного Кавказа за постсоветский период только увеличило бы контраст между показателями для Северного Кавказа и для России в целом. Наконец, важно помнить, что показатели для постсоветского времени относятся к периодам, и поэтому итоговые показатели интервалов для каких-либо реальных когорт на их основе определены быть не могут. Последнее ограничение невозможно преодолеть в рамках имеющихся данных.

имело место длительное снижение интервалов между первыми и вторыми рожденьями, не сменившееся противоположным трендом и в постсоветское время.

Дагестанская динамика интервала между первыми двумя рожденьями ставит следующие вопросы. Во-первых, с чем могли быть связаны более высокие, чем по России в целом, интервалы у старших когорт? Во-вторых, почему дальнейшее сокращение интервала шло на фоне снижения общего уровня рождаемости? Как показано в (Casterline, Odden 2016), для стран мира, в которых первый демографический переход имел место во второй половине XX – начале XXI века, типичным было, напротив, увеличение этого интервала по мере снижения числа детей.

Рассмотрим сначала предположение о том, что большая длина интервала между первыми и вторыми рожденьями у старших когорт в Дагестане является следствием «пропусков» в репродуктивных историях: женщины, опрошенные в ходе МП94, могли не сообщать о рожденьях детей, умерших в раннем возрасте. Специалисты указывают на довольно высокий по сравнению со страной в целом уровень младенческой смертности в Дагестане вплоть до 1950-х годов (Андреев 2012). При этом известно, что в ходе опросов женщины, особенно в старших возрастах, имеют тенденцию не упоминать детей, умерших вскоре после рожденья (Merli 1998). В связи с этим можно предположить, что оценка длины интервалов между первым и вторым зарегистрированными деторожденьями у старших из рассмотренных когорт завышена, поскольку у значительной доли женщин между этими рожденьями было еще по крайней мере одно, после которого ребенок умер в младенческом возрасте и его рожденье не было учтено. В таком случае сокращение интервала у когорт 1940-1950-х г.р. может быть объяснено постепенным улучшением ситуации с младенческой смертностью (Ksenofontova 1994). Но если бы этот фактор был решающим, то аналогичного уменьшения интервалов от старших когорт к более младшим следовало бы ожидать также между рожденьями вторых и третьих, третьих и четвертых детей, поскольку нет никаких оснований полагать, что «пик» неучтенной младенческой смертности был именно между первым и вторым зарегистрированными рожденьями. Однако фактически такого сокращения интервалов не происходило. В Приложении 2 показаны интервалы между детьми более высоких порядков у тех же когорт коренных этносов Дагестана, рассчитанные по данным МП94. Легко видеть, что интервалы между детьми этих порядков сокращались от более старших когорт к более младшим гораздо меньше, чем интервалы между первым и вторым рожденьями.

Если не считать большие интервалы между первым и вторым рожденьями у старших когорт в Дагестане лишь артефактом статистики, то прежде всего следует задаться вопросом, были ли они результатом планирования семьи или же отражали некоторый вариант «естественного» репродуктивного поведения, не предусматривающего контроль рождаемости. Однозначный ответ на этот вопрос вряд ли возможно дать из-за отсутствия данных о применении контрацепции в этом регионе в советское время. Имеются лишь сведения о регулярном производстве абортов в медицинских учреждениях Дагестана, в том числе в сельской местности, уже в первые советские десятилетия, до законодательного ограничения этой операции в 1936 г. (Маньшев 2019). Судя по уровням итоговой рождаемости, даже у самых старших дагестанских когорт, включенных в рассмотрение, предположить отсутствие планирования семьи затруднительно: исторические исследования первого демографического перехода в разных странах мира убедительно показывают, что до начала массового применения контрацепции итоговая рождаемость когорт была заметно выше трех-четырех детей на одну женщину (Вишневский 2006: 168).

Кроме того, специальные исследования интервалов между деторождениями в обществах, где контроль рождаемости отсутствовал или только начинал распространяться, указывают на то, что промежуток между первым и вторым рождениями стандартно был там короче, чем промежутки между последующими рождениями, и составлял менее трех лет (Anderton, Bean 1985; Knodel 1979; Wrigley 1966)⁷.

Каковы бы ни были причины удлиненных интервалов между первыми и вторыми рождениями в старших когортах в Дагестане, отдельной задачей является объяснение последующего уменьшения этих интервалов на фоне снижения рождаемости. Это весьма нестандартное явление может быть связано как минимум с двумя обстоятельствами.

Во-первых, сокращению интервалов могли способствовать изменения семейного уклада, которые происходили в Дагестане в последней трети XX – начале XXI веков. Эти изменения были связаны с переселением в города и с отходом даже на селе от той формы организации семьи, в рамках которой роли всех ее членов были жестко расписаны и определялись прежде всего задачами поддержания крестьянского хозяйства. Такие перемены постепенно набирали скорость в Дагестане в последние советские десятилетия, а с распадом СССР приобрели обвальный характер (Карпов, Капустина 2011; Стародубровская 2019). В рамках традиционной сельской семьи, где социальные функции женщины в основном ограничены домохозяйством, совмещение рождения детей, их вскармливания и так далее с выполнением других возложенных на женщину задач вряд ли было значительной проблемой, практики этого совмещения вырабатывались веками. Поэтому и деторождения могли достаточно «дисперсно» распределяться по всему репродуктивному периоду, на что и указывают большие интервалы между ними у старших когорт. Однако в позднесоветской и постсоветской реальности функции женщины расширились. Росла вовлеченность женщин в трудовую деятельность вне домохозяйства. В 1990-е годы в Дагестане, даже в сельской местности, женщины нередко становились основными «добытчиками» для своей семьи (в монографии (Стародубровская, Казенин (в печати)) показано, что рост занятости женщин за пределами домохозяйства в постсоветское время имел место в целом ряде сельских сообществ Дагестана, исследованных этнографическими методами). Совмещать рождение детей с другими жизненными задачами в этих условиях становилось труднее. Это и могло служить мотивацией к тому, чтобы попытаться «расположить» деторождения на достаточно малом временном отрезке, как можно скорее родить желаемое или требуемое социальными

⁷ Нельзя исключать, что в Дагестане интервалы между деторождениями до начала массового контроля рождаемости были более длинными, чем в рамках «естественной» рождаемости в европейских странах, из-за требования ислама об обязательном грудном вскармливании ребенка в течение двух лет после рождения. Систематические исследования, которые позволяли бы восстановить, насколько сильным было влияние этого фактора в советские десятилетия, отсутствуют. В неопубликованных этнографических полевых материалах по Дагестану имеются лишь отдельные воспоминания сельских жителей о том, что несколько десятилетий назад старшее поколение в некоторых случаях достаточно жестко требовало от молодых матерей соблюдения сроков грудного вскармливания. К сожалению, нам не удалось обнаружить работ об особенностях промежутков между деторождениями в рамках «естественной» рождаемости в обществах, где исламские нормы оказывают заметное влияние на семейные практики. Согласно (Casterline, Odden 2016), на Ближнем Востоке и в Северной Африке, регионах мира с наиболее высокой долей мусульман, медианный промежуток между первым и вторым деторождениями перед началом первого демографического перехода составлял чуть более двух лет, что никак не указывает на длительную паузу из-за кормления младенцев. Примечательно, что и исламское возрождение в постсоветское время в Дагестане не привело к росту интервалов между рождениями.

нормами число детей, чтобы в дальнейшем иметь время на решение других жизненных задач. Такое влияние процессов социальной модернизации на рождаемость, безусловно, не является широко распространенным. Однако, судя по имеющимся исследованиям, тенденция к сокращению интервалов между деторождениями в период, когда социальная роль женщины становится менее ограниченной семьей, наблюдалась и в некоторых других социумах. Например, в Пакистане, стране, в последней трети XX века характеризовавшейся массовой миграцией в города, длина интервала между рождениями низких очередностей в 1970-1980-е годы была негативно связана с городским проживанием и уровнем образования женщины (Sathar 1988)⁸.

Во-вторых, короткие интервалы между рождениями в конце 2000-х – 2010-х годах могли быть связаны с выплатами материнского капитала в тот период, когда он предоставлялся только при рождении второго ребенка. Как показано в (Kozlov 2019), реакция рождаемости на эту меру в республиках Северного Кавказа была в целом более интенсивной, чем во многих других регионах России. Полевые материалы К.И. Казенина также указывают на то, что желание как можно скорее получить доступ к средствам материнского капитала играло существенную роль для формирования репродуктивных планов женщин Дагестана после 2007 г. Однако именно применительно к длине интервала между первыми и вторыми детьми роль этого фактора неочевидна, поскольку и в 2003-2006 гг. интервал между первым и вторым рождением был в этом регионе существенно ниже общероссийского, а после 2007 г. даже немного вырос (таблица 2).

Что касается более высокого по сравнению с Россией в целом уровня рождаемости третьих и последующих детей и их большего «вклада» в общий уровень рождаемости, то здесь ситуация на постсоветском Северном Кавказе в 2000-2010-е годы достаточно хорошо коррелирует с тем, что мы наблюдали для когорт северокавказских женщин 1920-1970-х г.р., поскольку и у них вероятность перехода к третьему и четвертому детям была существенно выше, чем у женщин тех же годов рождения по России в целом. Более высокая рождаемость третьих и последующих детей у коренных народов Дагестана по сравнению с коренными народами Северо-Западного Кавказа в 2000-2010-е годы также неудивительна на фоне того, что и у когорт, охваченных МП94, вероятность рождения детей этих порядков в Дагестане снижалась медленнее, чем в западнокавказских республиках. Иными словами, различия по рождаемости третьих и последующих детей в России в целом, в республиках Северо-Западного Кавказа и в Дагестане, наблюдаемые в 2000-2010-х годах, во многом повторяют различия, наблюдавшиеся в советское время.

Остановимся, наконец, на результатах анализа, касающихся этнического фактора. Мы видели, что в моделях для переходов к детям разных порядков воспроизводились практически одинаковые межэтнические различия. Для Дагестана они соответствуют тем различиям, которые мы наблюдали в разделе 2 на данных ВПН2010. Так, модели указывают на наиболее высокие риски перехода к рождениям всех трех порядков у табасаранцев и наиболее низкие – у лакцев, этносов соответственно с самой большим и самым малым средним числом рожденных детей по данным ВПН2010. У четырех других этносов, занимающих «серединное» положение по накопленному числу рожденных детей

⁸ В некоторых других странах, однако, на похожих исторических этапах связь между образованием или городским проживанием и длиной интервалов была, напротив, позитивной ((Jatrana, Pasupuleti 2015) на примере Индии, (Hailu, Gulte 2016) на примере Эфиопии). Это легко объяснить большей распространенностью знаний о контрацепции среди горожан и среди образованного населения.

согласно ВПН2010, в моделях различия рисков не столь велики, как между табасаранцами и лакцами, и нестабильны при разных порядках рождения. Сохранность повышенной рождаемости у табасаранцев можно объяснять факторами как экономического, так и географического порядка: компактность их проживания (в том числе и в городах), которая могла способствовать сохранению традиционных образцов брачно-репродуктивного поведения, а также существовавшая дольше, чем у других народов Дагестана, потребность в детях как работников в домохозяйстве (в том числе для домашнего ковроткачества; см. (Казенин, Сороко 2021: 110-112)). Более низкая рождаемость лакцев может объясняться более высокой долей городского населения среди них, более ранним отходом от традиционных сельских форм хозяйствования и организации семьи, характерным для этого народа в советское время (Карпов, Капустина 2011).

На Северо-Западном Кавказе, в отличие от Дагестана, межэтнические различия, наблюдавшиеся между когортами по данным МП94, в ВПН2010 практически нивелировались. Одна из возможных причин этого – более ранняя урбанизация на Северо-Западном Кавказе (Белозеров 2005), приведшая к ослаблению межэтнических различий по семейному укладу. Более низкая рождаемость среди осетин по данным ВПН2010 не вполне согласуется с результатами моделирования по данным МП94, поскольку там для осетин были обнаружены повышенные риски перехода ко второму ребенку и пониженные – к последующим. «Отставание» осетин по уровню рождаемости от других этносов Северо-Западного Кавказа по данным ВПН2010 может объясняться как наиболее высоким процентом городского населения среди этого народа, так и драматическими конфликтными событиями, в которые оказалась вовлечена часть осетинского этноса в постсоветское время и которые могли привести к откладыванию рождений (вопрос о влиянии постсоветских конфликтов на рождаемость северокавказских этносов требует отдельного изучения).

Вместе с тем рассмотрение межэтнических различий на Северо-Западном Кавказе позволяет отметить еще одну примечательную особенность. Наиболее высокая вероятность перехода к детям всех исследуемых порядков по данным МП94 наблюдается у народов, характеризовавшихся в советское время более *поздним* по сравнению с соседями возрастом вступления в брак: у балкарцев и карачаевцев (Казенин, Сороко 2021). Это показывает неточность сложившихся в демографии представлений, что ранняя брачность и высокая рождаемость непременно коррелируют друг с другом как атрибуты более «традиционного» семейного уклада того или иного этноса, более жестких гендерных и поколенческих иерархий и так далее. Видимо, стандартные представления о «триединстве» («более традиционный семейный уклад – более ранний возраст вступления в брак – более высокая рождаемость») нуждаются в корректировке. Интересно при этом, что межэтнические контрасты по возрасту вступления в брак, в отличие от контрастов по рождаемости, в постсоветское время на Северо-Западном Кавказе сохранились достаточно хорошо (Казенин, Сороко 2021; Митрофанова 2019).

Необходимо оговорить, что данные, использованные в настоящей работе, не позволили рассмотреть проблему «сохранности» тех или иных характеристик рождаемости между поколениями женщин на Северном Кавказе в нескольких важных ракурсах. В частности, для ряда этносов или сельских сообществ существенным фактором, влияющим на репродуктивное поведение когорт, стали принудительные переселения советской эпохи (Эдиев 2003; Ermolin et al. 2022). Появление радикальных исламских течений на Северном Кавказе в постсоветские годы имело существенное, хотя и

неоднородное, влияние на семейный уклад среди их последователей (Стародубровская 2019; 2022), однако оценка роли данного фактора для рождаемости является задачей отдельного исследования

Подведем итог. Мы рассмотрели три отличительные характеристики рождаемости в Дагестане и на Северо-Западном Кавказе, наблюдавшиеся в 2000-2010-е годы. Эти части страны отличались от России в целом более короткими интервалами между первыми и вторыми рожденьями, более высокой долей третьих и последующих детей в общей рождаемости, межэтническими различиями по рождаемости. Сопоставляя данные разных источников за этот период и результаты анализа подвыборок женщин коренных народов Северного Кавказа в МП94, мы видели, что отчасти современные особенности рождаемости имеют исторические корни. Более высокая по сравнению с Россией в целом доля третьих и последующих детей в постсоветские десятилетия коррелирует с более высокой по сравнению со страной в целом вероятностью рождения третьего, четвертого ребенка у когорт, родившихся в предвоенный и послевоенный период. Межэтнические различия по рождаемости, наблюдаемые в Дагестане и на Северо-Западном Кавказе по данным ВПН2010, коррелируют с различиями, фиксируемыми по данным МП94, хотя на Северо-Западном Кавказе в постсоветское время различия между этносами по репродуктивному поведению явно стали слабее. Наконец, более короткие интервалы между первым и вторым рождением – явная демографическая «инновация» постсоветского времени, особенно заметная в Дагестане, и ее причины еще требуют исследования.

Литература

- Андреев Е.М. (2012). О точности результатов Российских переписей населения и степени доверия к разным источникам информации о населении. *Вопросы статистики*, 11, 21-35.
- Архангельский В.Н. (2019). Динамика рождаемости на Северном Кавказе: играет ли роль материнский капитал? *Журнал исследований социальной политики*, 17, 1, 57-74. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2019-17-1-57-74>
- Белозеров В.С. (2005). *Этническая карта Северного Кавказа*. М.: О.Г.И.
- Богоявленский Д.Д. (2012). Перепись 2010: этнический срез. *Демоскоп Weekly*, 531-532. <http://demoscope.ru/weekly/2012/0531/index.php>
- Вишневский А.Г. (Ред.) (2006). *Демографическая модернизация России: 1900-2000*. М.: Новое издательство.
- Захаров С.В. (2007). Демографические обследования населения: прошлое, настоящее, будущее. В Т.М. Малева, О.В. Синявская (Ред.), *Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. По материалам одного исследования* (с. 9-34). Сб. аналитических статей. Вып.1. М.: НИСП.
- Казенин К.И., Козлов В.А. (2016). Омоложение материнства в Дагестане: тенденция или артефакт? (Предварительные результаты обследования сельского населения). *Демографическое обозрение*, 3(3), 100-123. <https://doi.org/10.17323/demreview.v3i3.1748>

- Казенин К.И., Сороко Е.Л. (2021). Демографическая модернизация и возраст вступления в первый брак у народов Северного Кавказа. *Демографическое обозрение*, 8(2), 95-127. <https://doi.org/10.17323/demreview.v8i2.12784>
- Карпов Ю.Ю., Капустина Е.А. (2011). Горцы после гор. Миграционные процессы в Дагестане в XX — начале XXI века: их социальные и этнокультурные последствия и перспективы. СПб.: Петербургское востоковедение.
- Манышев С.Б. (2019). Мать и дитя в ранней советской политике: случай Дагестана. *Журнал исследований социальной политики*, 17(1), 75-88. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2019-17-1-75-88>.
- Митрофанова Е.С. (2019) Переход во взрослую жизнь: сравнение Северного Кавказа с общероссийской картиной. *Журнал исследований социальной политики*, 1(17), 133–141.
- Пьянкова А.И., Щербакова Е.М., Васин С.А. (2018). Микропереписи населения России: прошлое, настоящее и будущее. *Демографическое обозрение*, 5, 2, 61-102. <https://doi.org/10.17323/demreview.v5i2.7935>
- Стародубровская И.В. (2019). Кризис традиционной северокавказской семьи в постсоветский период и его социальные последствия. *The Journal of Social Policy Studies*, 17(1), 39-56. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2019-17-1-39-56>
- Стародубровская И.В. (2022). Семейные отношения исламских фундаменталистов: архаизация или модернизация. *Государство, Религия, Церковь в России и за рубежом*, 40(4), 163-185. <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2022-40-4-163-185>
- Стародубровская И.В., Казенин К.И. (в печати). Между традицией и модерном: северокавказские сельские сообщества на рубеже XX-XXI веков. М.: Common Place.
- Эдиев Д.М. (2003). Демографические потери депортированных народов СССР. Ставрополь.
- Anderton D.L., Bean L.L. (1985). Birth Spacing and Fertility Limitation: A Behavioral Analysis of a Nineteenth Century Frontier Population. *Demography*, 22(2), 169-183.
- Barkalov N.B. (1999). The fertility decline in Russia, 1989-1996: a view with period parity progression ratios. *Genus*, 55(3/4), 11-60.
- Bernhardt E., Hoem B. (1985). Cohabitation and social background: Trends observed for Swedish women born between 1936 and 1960. *European Journal of Population*, 1(3), 375-395.
- Bongaarts J. (2003). Completing the Fertility Transition in the Developing World: The Role of Educational Differences and Fertility Preferences. *Population Studies*, 57(3), 321-335.
- Casterline J.B., Odden C. (2016). Trends in Inter-Birth Intervals in Developing Countries 1965-2014. *Population & Development Review*, 42(2), 173-194. <https://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2016.00134.x>
- Ermolin I., Suvorkov P., Fedorova M. (2022). Demographic effects of deportation: seeking the causes of high fertility rates in the North Caucasus, Russia. *Central Asian Survey*. <https://doi.org/10.1080/02634937.2022.2062298>

- Hailu D., Gulte T. (2016). Determinants of Short Interbirth Interval among Reproductive Age Mothers in Arba Minch District, Ethiopia. *International Journal of Reproductive Medicine*, 2016, Article ID 6072437. <https://doi.org/10.1155/2016/6072437>
- Jatrana S., Pasupuleti S.S.R. (2015). Women's autonomy, education and birth intervals in India. *Asian Population Studies*, 11(2), 172-190. <https://doi.org/10.1080/17441730.2015.1050083>
- Kazenin K., Kozlov V. (2023). Ethnicity and fertility of descendants of rural-to-urban migrants: the case of Daghestan (North Caucasus). *Journal of International Migration & Integration*, 24 (Suppl 1), 69–93. <https://doi.org/10.1007/s12134-021-00848-8>
- Knodel J. (1979). From natural fertility to family limitation: the onset of fertility transition in a sample of German villages. *Demography*, 16, 493-52.
- Kozlov V.A. (2019). Changing fertility patterns in two North Caucasian republics: is it only social policy that matters? *The Journal of Social Policy Studies*, 17(1), 89-102. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2019-17-1-89-102>
- Ksenofontova N. (1994). Trends in infant mortality in the USSR. In W. Lutz, S. Scherbov and A. Volkov (Eds.), *Demographic Trends and Patterns in the Soviet Union before 1991* (pp. 359-378). Routledge, London/New York.
- Merli M.G. (1998). Underreporting of Births and Infant Deaths in Rural China: Evidence from Field Research in One County of Northern China. *The China Quarterly*, 155, 637–655.
- Notestein F.W. (1945). Population: The long view. In Th.W. Schults (Ed.), *Food for the world*. Chicago: University of Chicago Press.
- Puur A., Rahnu L., Maslauskaitė A., Stankuniene V., Zakharov S. (2012). Transformation of Partnership Formation in Eastern Europe: The Legacy of the Past Demographic Divide. *Journal of Comparative Family Studies*, 43(3), 389-417.
- Reher D. (1998). Family ties in Western Europe: Persistent contrasts. *Population and Development Review*, 24(2), 203-234.
- Sathar Z. (1988). Birth Spacing in Pakistan. *Journal of Biosociological Studies*, 175-194.
- Scherbov S., van Vianen H. (2001). Marriage and Fertility in Russia of Women Born between 1900 and 1960: A Cohort Analysis. *European Journal of Population*, 17(3), 281-294.
- Van de Kaa D. (1987). The Europe's second demographic transition. *Population Bulletin*, 42, 1.
- Wrigley E. A. (1966). Family limitation in preindustrial England. *Economic History Review*, 19, 82-109.
- Zakharov S. (2008). Russian Federation: from the first to second demographic transition. *Demographic Research*, 19, 907-972.

Приложение

Приложение 1. Сопоставление уровней рождаемости у этносов Северного Кавказа по данным МП94, ВПН2002 и ВПН2010

Для оценки надежности данных МП94 о рождаемости этносов Северного Кавказа было проведено сопоставление числа рожденных детей по результатам микропереписи у когорт, завершивших или завершавших репродуктивный период на момент опроса, и числа рожденных детей у близких этим когортам возрастных групп по данным ВПН2002 (таблица П1.1) и ВПН2010 (таблица П1.2). В целом, как видно из таблиц, отличия не носят критического характера. При этом в большинстве случаев среднее число рожденных детей по данным ВПН2002 несколько выше, чем по данным МП94, в то время как расхождения между ВПН2010 и МП94 носят более разнонаправленный характер. Сопоставление данных не позволяет говорить о какой-либо систематической селективности респондентов МП94 по характеристикам рождаемости.

Таблица П1.1. Число рожденных детей на одну женщину когорт 1933-37, 1938-42, 1943-47 годов рождения по данным МП94 и число рожденных детей на 1000 женщин 55-59, 60-64, 65-69 лет по данным ВПН2002, основные этносы Северного Кавказа

Этническая группа	Источник	ВПН2002 55-59 лет/ МП94 1943-47 г.р.	ВПН2002 60-64 лет/ МП94 1938-42 г.р.	ВПН2002 65-69 лет/ МП94 1933-37 г.р.
Аварцы	МП94	3,75	3,58	3,41
	ВПН2002	3912	4084	4208
Даргинцы	МП94	4,04	4,00	3,96
	ВПН2002	4032	4521	4623
Кумыки	МП94	3,12	3,49	3,38
	ВПН2002	3449	3701	4087
Лезгины	МП94	3,82	4,30	4,11
	ВПН2002	3842	4407	4797
Лакцы	МП94	2,97	2,81	2,76
	ВПН2002	3066	3346	3552
Табасаранцы	МП94			
	ВПН2002	Нет		
Кабардинцы	МП94	2,6	2,95	3,02
	ВПН2002	2741	2992	3336
Черкесы КЧР	МП94	2,64	2,72	3,2
	ВПН2002	2741	3165	3500
Балкарцы	МП94	2,79	3,53	3,29
	ВПН2002	2755	3358	3516
Карачаевцы	МП94	2,91	2,99	3,65
	ВПН2002	2969	3353	3867
Осетины	МП94	2,27	2,35	2,45
	ВПН2002	2333	2369	2475

Источник: ВПН2002; расчет авторов по данным МП94.

Таблица П1.2. Число рожденных детей на одну женщину когорт 1941-45, 1946-50 по данным МП94 и число рожденных детей на 1000 женщин 60-64, 65-69 лет по данным ВПН2010, основные этносы Северного Кавказа

Этническая группа	Источник	ВПН2010 60-64 года/ МП94 1946-50г.р.	ВПН2010 65-69 лет/ МП94 1941-45 г.р.
Аварцы	МП94	3,72	3,71
	ВПН2010	3553	3836
Даргинцы	МП94	3,62	4,04
	ВПН2010	3821	4255
Кумыки	МП94	3,04	3,39
	ВПН2010	3168	3477
Лезгины	МП94	3,64	3,96
	ВПН2010	3438	3817
Лакцы	МП94	2,72	2,86
	ВПН2010	2928	3193
Табасаранцы	МП94	4,96	5,26
	ВПН2010	4878	5518
Кабардинцы	МП94	2,63	2,74
	ВПН2010	2654	2848
Черкесы КЧР	МП94	2,37	2,49
	ВПН2010	2558	2888
Балкарцы	МП94	2,73	3,11
	ВПН2010	2519	2959
Карачаевцы	МП94	2,89	3,17
	ВПН2010	2834	3144
Осетины	МП94	2,31	2,31
	ВПН2010	2254	2352

Источник: ВПН2010; расчеты авторов по данным МП94.

Приложение 2. Интервалы между деторождениями высоких порядков у когорт 1930-х-1950-х годов рождения в Дагестане

Таблица П2.1. Интервал между вторым и третьим рождениями у женщин когорт 1920-1950-х годов рождения, имеющих четырех или более детей, коренные народы Дагестана, лет

	Среднее	Нижняя граница	Верхняя граница
1925-29	2,91	2,75	3,07
1930-34	3,05	2,90	3,20
1935-39	2,79	2,68	2,89
1940-44	2,85	2,71	2,99
1945-49	2,76	2,63	2,90
1950-54	2,67	2,56	2,78

Таблица П2.2. Интервал между третьим и четвертым рожденьями у женщин когорт 1920-1950-х годов рождения, имеющих пять или более детей, коренные народы Дагестана, лет

	Среднее	Нижняя граница	Верхняя граница
1925-29	2,75	2,61	2,89
1930-34	2,82	2,67	2,96
1935-39	2,85	2,71	2,98
1940-44	2,70	2,53	2,88
1945-49	2,67	2,51	2,84
1950-54	2,64	2,51	2,77